

П Р А В О

УДК 343.21

ОСНОВНЫЕ ИДЕИ О ТОЛКОВАНИИ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА В ИССЛЕДОВАНИИ П.И. ЛЮБЛИНСКОГО

© 2020 г.

Э.В. Густова

Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя, Москва

ellagustova@mail.ru

Поступила в редакцию 15.12.2019

Исследуется содержание крупной научной работы начала XX века, подготовленной российским юристом П.И. Люблинским по проблемам техники и толкования уголовного закона. Детальному анализу подвергнута концепция толкования уголовного закона, основанная на анализе законодательства и уголовно-правовой доктрины XX века, которая внесла существенный вклад в развитие отечественной уголовно-правовой науки. Рассмотрены техника уголовного закона, правила, приемы толкования и конструирования уголовного закона, предложенные П.И. Люблинским. Приведена аргументация ученого о необходимости совершенствования юридического языка уголовного закона. Акцентируется внимание на приеме систематики уголовного закона, а также отмечается необходимость творческой деятельности юриста в процессе толкования уголовно-правовых норм. Высказывается авторская позиция относительно правил и приемов толкования, актуальных для действующего уголовного законодательства.

Ключевые слова: толкование уголовного закона, законодательная техника, уголовно-правовая норма, правоприменение, воля законодателя.

Павел Исаакович Люблинский (1882–1938) – выдающийся российский и советский учёный-юрист, криминолог, доктор юридических наук, профессор, сенатор – на протяжении своей жизни занимался исследованием вопросов процессуального и материального уголовного права; большое число его работ посвящено практическому комментированию законодательства, как русского дореволюционного, так и советского. Он дал научно-практический комментарий к большому числу статей Уголовного кодекса РСФСР и больше чем к половине разделов Уголовно-процессуального кодекса РСФСР. В 1917 г. под его редакцией была выпущена монография «Техника, толкование и казуистика уголовного кодекса», в которой он дал полное, развернутое представление о юридической технике уголовного закона того времени, обзор главных направлений в области учения о методах толкования в XIX веке. Учитывая, что в настоящее время проблема толкования уголовного закона является одной из актуальных и дискуссионных, так как действующий Уголовный кодекс РФ характеризуется высокой степенью абстрактности правовых норм, наличием бланкетных и отсылочных норм, правовых предписаний, содержащих оценочные признаки,

норм, которые предлагают несколько вариантов поведения, спецификой терминов и понятий [1, с. 3], назрела острая необходимость детально рассмотреть правила, методы толкования и сформировать определенную теорию толкования, которая будет способствовать единообразному применению уголовного закона. Для этого полагаем целесообразным обратиться к идеям П.И. Люблинского, изложенным в труде, специально посвященном вопросам толкования.

«Искусству развивать мысль законодателя и извлекать из нее нужное содержание учит нас юридическое толкование. Толкование (или интерпретация) норм уголовного закона в процессе уголовно-правовой квалификации является одной из наиболее сложных проблем», – отмечал П.И. Люблинский [2, с. 2].

Ученый считал, что для устранения недостатков толкования уголовного закона необходимо учитывать определенные приемы законодательной техники. И одним из важнейших приемов является выработка точного, краткого и выразительного изложения. Юридический язык должен удовлетворять ряду условий, для того чтобы соответствующая норма наилучшим образом достигала своей цели; при этом необходимо обеспечивать *следующее*.

1. *Точность выражений.* «Законодатель должен ясно сознавать смысл каждого употребляемого им выражения, так чтобы не оставлять сомнений относительно подлинной своей воли» [2, с. 8]. Полагаем, что данное условие имеет непосредственное отношение к действующему Уголовному кодексу РФ, так как некоторые его нормы сконструированы таким образом, что тяжело понять, что именно хотел отразить (закрепить) в данной норме законодатель. Так, ст. 234.1 УК РФ предусматривает ответственность за незаконный оборот новых потенциально опасных психоактивных веществ. В соответствии со ст. 1 Федерального закона от 08.01.1998 № 3-ФЗ (ред. от 29.12.2017) «О наркотических средствах и психотропных веществах», новые потенциально опасные психоактивные вещества – это вещества синтетического или естественного происхождения, включенные в Реестр новых потенциально опасных психоактивных веществ, оборот которых в РФ запрещен. Вместе с тем сам этот Реестр до сих пор не создан и не утвержден. В итоге, как представляется, возник существенный пробел в уголовно-правовом регулировании, который блокирует саму возможность применения ст. 234.1 УК РФ, о чем и свидетельствуют данные судебной статистики о состоянии судимости за 2018 год: по ст. 234.1 УК РФ не был осужден ни один человек.

2. *Краткость.* «Законодатель должен стремиться к возможно более краткому выражению своей воли, так как только тогда он будет всем понятен и предписания его могут быть легко усвоены. При конструировании норм должен учитываться закон наибольшей экономии выражений» [2, с. 9]. Это правило также актуально для действующего уголовного законодательства: в Особенной части кодекса имеются диспозиции, занимающие страницу, и в результате даже специализированному юристу-правоприменителю бывает тяжело понять смысл и все нюансы соответствующих норм. Например, ст. 185.5 УК РФ «Фальсификация решения общего собрания акционеров (участников) хозяйственного общества или решения совета директоров (наблюдательного совета) хозяйственного общества»; статья 141.1 «Нарушение порядка финансирования избирательной кампании кандидата, избирательного объединения, деятельности инициативной группы по проведению референдума, иной группы участников референдума».

3. *Простота и ясность.* Оба свойства являются необходимыми для того, чтобы давать возможность каждому гражданину непосредственно понимать закон, а не знакомиться с ним через посредство чужого комментария. «Юридический язык должен избегать всякой роско-

ши; каждое выражение должно иметь только одно определенное значение, соответствующее определенному понятию» [2, с. 9]. В ряду с требованием простоты и ясности стоит и качество выразительности юридического языка: «Выразительным является язык, не употребляющий слишком абстрактных понятий и стремящийся пользоваться меткими, общепонятными словами и выражениями» [2, с. 10]. Это правило актуально и в настоящее время, так как в действующем Уголовном кодексе РФ содержится ряд статей, в которых законодатель использует сложные формулировки, перегружает диспозиции специфическими терминами и понятиями. Например, ст. 147 УК РФ «Незаконное использование изобретения, полезной модели или промышленного образца, разглашение без согласия автора или заявителя сущности изобретения, полезной модели или промышленного образца до официальной публикации сведений о них, присвоение авторства или принуждение к соавторству, если эти деяния причинили крупный ущерб». Возникают вопросы: что понимать под полезной моделью и чем определяется в данной норме крупный ущерб.

Установление известных словесных наименований для принятого законодателем называется терминологией. П.И. Люблинский указывал на три категории терминов, находящихся в распоряжении законодателя:

«1) обыденные термины, употребляемые в общепонятном языке;

2) технические термины, употребляемые в области какой-либо специальности (профессии, науки и т.п.), в частности сюда относятся юридические термины, употребляемые в научной юриспруденции;

3) искусственные термины, специально образуемые законодателем для выражения созданных им понятий, не имеющих адекватных терминов в научной юриспруденции» [2, с. 12].

В 1917 г. П.И. Люблинский, проводя исследование о толковании, отмечал, что законодатель, чтобы удовлетворить основным требованиям хорошего юридического языка, должен руководствоваться следующими положениями:

– во всех тех случаях, когда законодатель признает, что созданное им понятие имеет соответствующее обозначение в общепонятном языке, он должен им воспользоваться, не прибегая к техническому термину юриспруденции, хотя бы таковой и существовал;

– если употребленный обыденный термин имеет в народном языке различные значения, то, поскольку можно опасаться смешения их, законодатель должен объявить, какое из нескольких значений он усваивает себе (для этого

он должен, употребляя этот термин в первый раз, указать описательно содержание, придаваемое ему);

– законодатель никогда не должен пользоваться обыденным термином, придавая ему значение, противоречащее обыденному или сталкивающееся с ним (хотя бы и оговаривая это значение в самом законе);

– если законодатель суживает или расширяет обыденный термин, страдающий неопределенностью, то лучше всего, если он определит (разъяснит) данный термин;

– законодатель должен вносить в кодекс только такие понятия, которые успели стать практическими, т.е. показали свою жизненную пригодность и достаточную рельефность (технические термины допустимы только в тех случаях, если закон по своему содержанию относится к той области, из которой эти термины заимствуются; юридические технические термины, если они не вводятся законодателем в качестве искусственных для обозначения особого созданного им понятия, должны быть совершенно избегаемы);

– создание искусственного термина необходимо там, где язык не выработал точного термина, а между тем законодатель испытывает в нем надобность (такая потребность возникает или вследствие крайней неопределенности соответствующего обыденного термина, или вследствие новизны образуемого понятия, или, наконец, ради обобщения в одном новом термине нескольких обозначений для краткости законодательного языка).

Выбор термина есть лишь частица общей проблемы терминологии. Следующим вопросом является установление его точного значения. По существу, наиболее правильным было бы такое состояние законодательства, при котором каждый термин имел бы свое законодательное определение. Но этому мешает ряд обстоятельств. Первым из них является крайняя трудность полного и точного определения. Возможность пробелов и неправильностей в определении приводит к искажению всего толкования и плодит фикции. Далее, определение должно обладать гибкостью и растяжимостью, чтобы покрывать собою вновь возникающие однородные явления. Закон издается на будущее время и определяет собою вновь возникающие отношения. Различные юридические понятия в процессе эволюции испытывают разнообразные изменения. Остающийся как будто неизменным правовой институт начинает служить иным практическим задачам и тем самым невольно меняет свое содержание, сохраняя порой прежнюю форму.

Выработка хорошего юридического языка затрагивает не только вопросы терминологии. Термины выражают только понятия законодателя, норма же выражает его волю. Таким образом, юридический язык должен выработать наиболее соответствующие формы выражения законодательной воли. После введения в законодательный массив конкретной нормы путем ее опубликования судить о смысле, который вкладывал в эту норму законодатель, можно лишь по самому ее тексту [3, с. 59]. Следует стремиться к тому, чтобы общая законодательная воля была разбита на такие отдельные тезисы, из которых каждый заключал бы в себе законченное представление о каком-либо акте поведения.

Далее законодатель должен заботиться о том, чтобы его основное положение не было затемнено частностями. Для этой цели он должен выделить свой основной тезис в возможно простой формулировке в начале статьи, а затем посредством дополнительных признаков или ограничительных оговорок устанавливать необходимые модификации. Благодаря этому одно преступное деяние может дать содержание ряду статей, видоизменяющих его значение присоединением признаков, касающихся объекта, обстановки, времени, способа совершения деяний и т.п. В таких случаях статья, содержащая краткий общий тезис, может быть названа основной, а прочие статьи, содержащие модифицирующие признаки, – дополнительными.

Также П.И. Люблинский отмечал, что для надлежащего понимания и усвоения действующего права громадное значение имеет правильная систематика: «Цели систематики намного глубже, чем простого внешнего упорядочения материала, она стремится рельефно выразить основные принципы, лежащие в основе кодекса, охватить постановления его немногими общими концепциями, характеризующими его логическое единство. Систематика становится одним из источников, откуда почерпаются судьей принципы развития действующего права и усвоения его действующего смысла» [2, с. 52].

Для ясности законодательной воли необходимо, чтобы отдельная группа однородных положений охватывалась общим заглавием и это заглавие облегчало бы понимание их общей связи, а не вводило бы в заблуждение. Совокупность правил, относящихся к исполнению этого требования, носит название законодательной систематики.

Важными приемами систематики П.И. Люблинский считал следующие.

1. *Разделение в уголовном законодательстве Общей и Особенной частей, которые облада-*

ют разной структурой, но не обладают самостоятельным действием. Большинство статей Общей части имеет определительный характер, другие служат дополнениями или пояснениями диспозиции или санкций Особенной части.

Конечно, в действующем Уголовном кодексе можно встретить ряд противоречий и коллизий между нормами Общей и Особенной частей. Так, примером коллизии может быть ст. 32 УК РФ, в которой законодатель закрепляет понятие соучастия в преступлении – это умышленное совместное участие двух и более лиц в совершении умышленного преступления, и ст. 263.1 «Нарушение требований в области транспортной безопасности», ч. 3 – «совершенное группой лиц по предварительному сговору», ч. 4 – «организованной группой». Субъективная сторона данного преступления характеризуется неосторожной формой вины, и возникает вопрос, как оно может быть совершено в соучастии, если соучастие может быть только в умышленных преступлениях. Ч. 1 ст. 205.1 «Содействие террористической деятельности» предусматривает ответственность за склонение, вербовку, иное вовлечение в совершение теракта – это разновидности подстрекательства, а ч. 3 – за пособничество. Таким образом, возникает коллизия между институтом соучастия, закрепленным в Общей части УК РФ, и нормами части Особенной.

П.И. Люблинский полагал, что правила и приемы законодательной техники и толкования для Общей и Особенной частей должны быть разными. Для правильного применения Общей части необходимо принимать во внимание следующие положения:

1) правило, сформулированное в Общей части, имеет значение для всех случаев, поскольку противное не оговорено в самой Общей части или в статьях Особенной части, относящихся к данному деянию;

2) некоторые положения Общей части применяются к части Особенной только в случаях, особо указанных в законе (при такой оговорке необходимо в статьях Особенной части закреплять специальное указание, уполномочивающее на применение к данному деянию этих постановлений);

3) некоторые формы преступной деятельности, предусматриваемые Общей частью, порою регулируются и частью Особенной (в таких случаях постановления Особенной части по отношению к данному роду деяний вытесняют действие постановлений Общей части, хотя в последней не содержалось особой оговорки по этому предмету).

2. Деление преступных деяний на группы в зависимости от тяжести деяний. На момент

написания своего исследования П.И. Люблинский считал, что «трехчленная классификация преступлений является слишком громоздкой и порою искусственной, приводя к случайным выводам и обособлению родственных деяний» [2, с. 54–55]. В действующем УК РФ преступления делятся на четыре категории, и в настоящее время подготовлен законопроект [4], предлагающий ввести еще одну категорию – «уголовный проступок», под которым предлагается понимать незначительное преступление, предполагающее возможность освобождения от уголовной ответственности. Возникает вопрос: не будет ли это чрезмерным дроблением преступлений? Ведь если обратиться к опыту большинства зарубежных стран, то там предусматривается двухчленное деление преступлений: преступления и проступки.

3. Выделение в особую часть кодекса категории проступков. П.И. Люблинский объяснял это «несложностью их состава, пестротой этих постановлений и быстротой изменчивости их. Преступления приобретают с таким выделением более простой и устойчивый характер» [2, с. 55–56].

4. Создание надлежащей классификации преступных деяний в пределах Особенной части. Дефектность классификации приводит к неправильности при толковании и даже к «извращению» самого состава.

Полагаем, предложенные П.И. Люблинским правила законодательной техники и толкования уголовно-правовых норм актуальны и в настоящее время и должны найти отражение в деятельности законодателя при конструировании уголовно-правовых норм.

Кроме того, учитывая, что уголовное законодательство, действовавшее в 1917 г., не содержало столь большого количества бланкетных норм, норм, содержащих оценочные критерии, норм с административной преюдицией, проводимая уголовная политика имела другой вектор, а также принимая во внимание то, что за более чем сто лет общество претерпело кардинальные изменения, полагаем целесообразным включение еще и следующих правил:

1) при конструировании уголовно-правовых норм законодателю необходимо соблюдать определенные правила и приемы толкования элементов уголовно-правовой нормы; учитывать государственную политику, проводимую в стране; использовать при толковании аргументы практики; правовые и моральные взгляды, сложившиеся в обществе;

2) толкование и изложение норм Уголовного кодекса РФ необходимо связывать с нормами других отраслей права – так, чтобы были единообразными понятийный аппарат, отдельные

положения, которые закрепляются как в нормах УК РФ, так и в других отраслях права (прежде чем использовать легальные определения одной отрасли для интерпретации норм другой отрасли, следует установить, нет ли в этой отрасли иного легального определения, или с помощью других приемов толкования выяснить, не употребляется ли этот термин в ином смысле).

Кроме всего вышеперечисленного П.И. Люблинский отмечал, что помимо текста уголовного закона важную роль в толковании играет творческая деятельность юриста, исправляющая или восполняющая положения закона. Так, в своей работе он цитировал немецкого юриста Г.Э.А. Данца: «Единственным средством, при помощи которого может быть путем толкования определен смысл и объем действия положительного предписания закона, является принятие во внимание цели, которую закон преследует. Во всех случаях, когда не происходит такого обращения к цели, имеется толкование по букве, которое покоится на бессмысленном и без всякого размышления применяемом употреблении слов в их обыденном значении» [2, с. 134]. П.И. Люблинский замечал, что споры юристов нередко длились столетиями из-за ошибки законодателя, допущенной при использовании терминологии. Тем не менее интерпретационная работа возможна лишь при достаточном уровне профессиональных знаний. Нужно обладать значительным юридическим развитием, чтобы надлежаще устанавливая фактический состав или «казус» [2, с. 16]. Нельзя не согласиться с данным положением, так как правиль-

но интерпретировать уголовный закон может лишь лицо, обладающее юридическими познаниями, имеющее представление о юридической технике закона, специфике терминологии, а к судьям в РФ предъявляются еще более строгие требования.

Таким образом, следует признать, что исследование профессора П.И. Люблинского качественно обогащает отечественную уголовно-правовую науку, поскольку содержит оригинальную авторскую доктрину толкования уголовного закона. В свете изложенного нельзя не отметить, что в плеяде дореволюционных ученых-юристов, сыгравших значительную роль в развитии уголовно-правовой науки, профессор П.И. Люблинский занимает значимое место. Многие положения, отраженные в его работах, спустя век не утратили актуальности. Они по-прежнему востребованы при проведении научных исследований и в процессе нормотворчества в уголовно-правовой сфере.

Список литературы

1. Савельева О.А. Роль судебного толкования в применении уголовного закона: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 26 с.
2. Люблинский П.И. Техника, толкование и казуистика уголовного кодекса. Петроград, 1917. 267 с.
3. Яни П.С. Вопросы толкования уголовного закона // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2012. № 4. С. 55–75.
4. Система обеспечения законодательной деятельности [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/612292-7> (дата обращения: 17.05.2019).

MAIN IDEAS CONCERNING THE INTERPRETATION OF CRIMINAL LAW IN P.I. LYUBLINSKY'S RESEARCH

E.V. Gustova

The article explores the content of a major scholarly paper on the problems of the techniques and interpretation of criminal law that was published by the Russian lawyer P.I. Lyublinsky in the early 20th century. We present a detailed analysis of Lyublinsky's concept concerning the interpretation of criminal law. Our study is based on the analysis of the legislation and the criminal doctrine of the 20th century which contributed significantly to the development of criminal science in Russia. The techniques of criminal law, rules, methods of interpretation and design of criminal law proposed by P.I. Lyublinsky are considered. The scholar's arguments about the need to improve the legal language of criminal law are presented. Particular attention is given to the systematization of criminal law. The need of the lawyer's creative work in the course of interpretation of criminal norms is noted. The author's position is stated concerning the rules and methods of interpretation that are relevant for the existing criminal legislation.

Keywords: interpretation of criminal law, legislative techniques, criminal norm, law enforcement, legislator's will.

References

1. Savel'eva O.A. Rol' sudebnogo tolkovaniya v primeneniі ugolovnogo zakona: Avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2006. 26 s.
2. Lyublinskij P.I. Tekhnika, tolkovanie i kazuistika ugolovnogo kodeksa. Petrograd, 1917. 267 s.
3. Yani P.S. Voprosy tolkovaniya ugolovnogo zakona // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11: Pravo. 2012. № 4. S. 55–75.
4. Sistema obespecheniya zakonodatel'noj deyatel'nosti [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/612292-7> (data obrashcheniya: 17.05.2019).